

Мари Мишель

МирЭм

18+

Мари Мишель

МирЭМ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мишель М.

МирЭМ / М. Мишель — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Жизнь простая и сложная. Играя безмятежно на ветренных волнах, одного она одаривает любовью, у другого забирает ее. Вносит свои директивы разочарования и боли. Подвергает страданиям, преподносит препятствия, мучает сложным выбором. Исцеляет душевно и приносит сердечный покой. Три прекрасные девушки, брюнетки-красавицы, в облаках реальной жизни, испытываемые судьбой на прочность духа, отстаивают свое счастье.

Мари Мишель

МирЭМ

1

Июльский вечер разлился по земле полутонном, погружая всех в благодатную, навевающую ленью дремоту. Убаюкивалась природа под милое пение сверчков, притаившихся в пышном, влажном разнотравье. Белесая луна под покровительством ночи подкрашиваясь золотистыми тенями, и в своем первозданном компоненте подсвечивала одинокие тропинки, ведущие куда-то в темную область, где «хоть глаз выколи...» Наступало сонное беззвучие и прозрачный неподвижный воздух медленно скидывал с себя знойную дневную вуаль.

...

В ночной прохладе, где-то в Липецкой области, накалилась до красна баня, где три брюнетки-красавицы, удобно устроившись на скамейках, распаривали свои тела, оздоравливая душу и телесную оболочку. Капельки пота, словно прозрачные слезы, проявляясь на блестяще-матовой коже у трех расслабленных, обольстительных банщиц, одна за другой стекая, сбегали по их округлым, эстетичным станам обновляя и улучшая кожный покров, очищая от скопившихся вредных веществ и слоя грязи, поддерживая их натуральную красоту и молодость.

– Каждый раз парюсь в твоей бане и каждый раз удивляюсь, как тут здорово! – произнесла торжественно Марта, воззрившись на владелицу чудо-парилки светло-кариими глазами, заливая свои щеки нежным румянцем.

– Ее прадед строил с дедом. Такие бани «по-черному» уж почти что и не строят в наше время. Обожаю в ней исцеляться! – с лучезарной улыбкой на лице, поведала Маруся кратенькую историю, двум своим подруженькам.

– А я как боготворю твою баню, словно родилась заново! – вступила в разговор Маша, наслаждаясь горячим паром, вкушая терапевтический эффект от принимаемой «паролечебницы», ощущая, как от нее отходит и отсекается накопившаяся за долгое время усталость от работы и душевное одиночество.

– Жаль, что нам редко удается собраться, вот так чтобы посидеть втроем, – произнесла с некоторым сожалением Маруся, у которой вся непревзойденная красота таилась в ее магических, карих глазах.

– С тобой соберешься, пожалуй! С твоим Владом и детьми, забываешь ты про нас, подруга, – обронила Марта с упреком в голосе, недолюбливая Маруськиного мужа.

– Есть такое..., – благосклонно подтвердила Маруся – Да, вы и сами вечно заняты. Машуня в нашей округе всех пьяниц излечила, а ты, Мартушка, и сама не отходишь, от моего двоюродного братца, – иронично изложила она детали в отместку. – Не забывайте девчата, что у меня к тому же и бабушка находится в тяжелом состоянии.

– Как она, что говорит врач? – заволновалась Марта.

– Плохая. Лежит без чувств. Как констатировал вчера фельдшер – «осталось недолго», – сообщила Маруся с тревогой в голосе.

Девчата разом приутихли, сочувствуя Марусе всем своим трепещущим женским сердцем, кинув на подругу застывший свет напряженных глазниц. Печные угольки, как черные скалы, играли красным огоньком, а в жаровне тлели остатки дров. Сухой, горячий воздух заплетался по потолку дымкой, щипал колюче-обжигающую атласную кожу дев живехоньких.

– Ну что же вы? – озадачилась Маруся, не теряя самообладания, – не к чему сейчас о грустном, – обратилась она к банщицам, уловив их горькое, потухшее, настроение. – За всю жизнь и воду не выкачаешь из моря, сколько всего происходит с нами!

– Точно..., точно! – поддакнули девчонки.

– А я мечтаю выйти замуж за Дениса, да только он жениться не предлагает... – расстроенным голосом пожаловалась Мартушка.

– А с Денисом вы непременно поженитесь, дозреть ему необходимо чуток. Я его с детства знаю, он рос таким нерешительным. Поэтому и в полицию пошел работать, для закалки характера, – поддержала Марусяка Марту.

– Так я вообще одна, а мне уже тридцать, – обреченно напомнила о себе Мария.

– Ты, наверное, подзабыла, Машунечка, что я при этом, на два года старше тебя, да почти в таком же положении как ты, – язвительно посетовала Марта на свое положение, – одна Марусяка успела все сделать. – И замуж выскочить и троих девок родить, и выглядит так, словно ей всего двадцать пять!

– Да! – подхватила Машка, – ты какой-то секрет знаешь, поделись сейчас же! – наредила она, благостно.

– Скажете тоже! Ну выгляжу немного моложе, но живу обычно, как все... А знаете что? – заинтриговала их Маруся, блеснув хитрыми зрачками.

– Что? – покосились на нее горячо-распаренные подружки, внимая.

– Для начала я пройду по вам хорошенечко венчиком, да вскоре и семейное счастье обретете! – произнесла она, вовлекая двух безбрачных девиц в шуточный обряд.

– Бери веник и похлопай в таком случае сначала по мне, – бойко напросилась Марта, подставляя спину, обнажая свои шикарные пропорции.

– А потом по мне, – робко сдалась Мария, оборачиваясь на деревянной скамейке, собирая свои длинные каштановые волосы вперед, освобождая широкую спину.

– Ух, устрою я вам сейчас порку, – засмеялась Маруся, хватаясь за березовый веник, смоченный в водице, устраивая девчонкам полноценные банные испытания, хлестко пройдясь сначала по Марте, потом по Марии, ускоряя им циркуляцию кровеносной системы. Девушки счастливо взвизгивали, выдавали смешки и колкости, сменяя на смиренное чириканье экзотической птички, чувствуя прилив чудодейственных сил и расслабление.

– Теперь по тебе давай, подставляй спину! – играючи предложила Маша своей мучительнице, сияющими глазами.

– О, нет! Я не люблю, девоньки. Вы же знаете! – отказалась Маруся.

– Ну, как скажешь, конечно... – не настаивала Мария, но не отступала от задуманного, легонько шлепая по Марусяке. – Я не играю в ваши игры, честно, – отнекивалась от нее подруга, увертываясь.

В туже секунду, уловив задуманное, Марта раздобыла для себя березовый букет, угрожающе и с задорным огоньком, присоединилась к наступлению. «Двое против одного». Молодой банщице пришлось уворачиваться и защищаться, отведывая на себе несколько жестких и колючих ударов.

– Ах, вы так! – звонко возмутилась Марусяка и ухватившись за кувшин, проворно выплеснула из него на девчонок воду, окатив их с головы до ног, немедленно загасив бабий бунт, восставший против нее. Девчонки засмеялись, закончив игру.

– Пришло время намылить голову, – удовлетворенно прошептала Марта, и выдавила на волосы шампунь.

Банщицы активно нанесли на головы мыльное средство, втирая его в свои роскошные локоны, распределяя по всей длине, зачерпывая теплую воду из тазиков и обмываясь целиком.

– У меня после твоей бани, возникает ощущение, что я сняла с себя змеиную кожу и в красотку превратилась, – одобрительно ликовала Марта, с чистой и шелковистой головой, – можно потом у меня посидеть, Денис на смене сегодня.

– Не знаю..., если дети и бабушка уже спят, и Влад не заявится, – не обещала Маруся.

– А что, он может заявиться?

– Да, кто его знает, поехал «таксовать», да с ним вечно что-нибудь происходит... – удручающим голосом разъяснила она ситуацию про мужа.

Неотразимые и свежие девчонки-молодки собрались уж на выход, как на улице раздался возбужденный лай собаки, по кличке Алмаз.

– Ну надо же, а вот и Влад идет, да к тому же подвыпивший! – просигналила Маруся, определив это по неистовому лаю хвостатого старожилы, который каждый реагировал грозно, зачуяв нетрезвый душок от ее мужа.

Забывшийся от всего мирского, Влад, распахнув деревянную калитку небрежным грубоватым рывком, не останавливаясь, в беспамятстве понесся напролом к бане. В ту же минуту девчонки сжались в испуге, заслышав, как дернулась в предбаннике дверь, и раздалось обрывистое вскрикивание, с ругательствами.

– Спокойно девочки, я уведу его сейчас, – выскользнула голая Маруся за дверцу, натываясь на мужа, в полусогнутой позе, взвившегося от боли, словно подстреленный заяц.

– Что случилось у тебя? – спросила она, накинув на себя банный халат, и втискивая ноги в резиновые сапоги.

– Да, что... что..., – раздражительным тоном проговорил крупным телосложением, Влад, потирая свою правую ногу. – Заскочил в баню, а тут доска проломилась, чуть в умывальник головой не улетел... И какого шута сегодня происходит со мной? Наверное, кто-то сглазил меня! – просипел он.

– Идти можешь?

– Могу! – поднялся он. – С легким паром! – Понравилась банька, которую я вам устроил? – справился Влад, с лукавцем, но глаза его не блестели. Запылились мыслишками.

– Спасибо, понравилось! Посидели отлично. А что ты домой вернулся, уехал ведь работать!? – уточнила для себя свежо-медовая Маруся, с банным румянцем, шагая с мужем к избе. И такие же звезды на небе, разыграли свежо-ярким прожекторами, высыпав забавными веснушками.

– Не задалась работа, шину проколол, а запаска, как назло, в сарае лежит..., – ответил Влад дребезжащим досадным голосом, развязано покачиваясь на ходу. – Накачал колесо и медленно повернул обратно, – дооформил он свою мысль, избегая глазеть в сторону жены, силясь расторопно переставлять свои ноги.

– Ладно, наладится все, – смягчила его жена.

2

Темень глаза ломит, но добром окутывает. Теплая ночь расстилается мягкой травой. Березки молчат, в небо поглядывая, получая сигналы от звездной бесконечности, в сон пропадающая лишь к утру.

Две красавицы, в банных халатах, с чалмой на голове, побежали через цветущую изгородь к соседнему дому. На крыльце Марта включила лампу. Заходя в избу, она вежливо придержала дверь для Маши. Терем воспрянул от идеальной чистоты, которая поддерживала заботливая хозяйка. Каждая вещь на своем месте, и ничего лишнего. С насыщенным запахом пирогов, пряностей, зелени, фруктов.

– Присаживайся, Машунь! Сейчас по сто грамм моего домашнего вина из крыжовника, для полного счастья, – пригласила ее радушная Марта к столу. Молодая девица-красавица, с задорным нравом, искристая от счастья.

– Я сначала пойду оденусь, а то как-то не удобно в халате, – замешкалась Маша, добрая по-своему, замороченная одиночеством. Ее красота не сразу билась, а проявлялась степенно, как вино с годами. Ласковые голубые глаза как наполненный сосуд. Заглянешь и пропадешь с концами.

– Стоять! Ты что, разве не знаешь? После бани полагается для начала расслабиться, посидеть, выпить в завернутой простыне, а потом можно и одеться, – задержала ее Марта, быстро сообразив на стол.

Маша, с невообразимой шапкой на голове обмякла: – ладно, наливай в таком случае!

Марта разлила по невысоким фужерам: – Ну давай, с легким паром нас! – произнесла она тост.

– С легким! – повторила Мария и выпила вино. – У... у, какое вкусное! – среагировала ее мозговая субстанция. – Рецепт поделись! – оценила подруга, облизывая изящные очерченные губы, снимая чалму с головы. Длинные волосы рассыпались по широким плечам.

– Тут я может быть тебя обижу, но рецепт передается лишь из поколения в поколение, иначе, как говорят, оно потеряет свой непревзойденный вкус! – умным видом произнесла Марта, растягивая солнечную улыбку и карие глаза блеснули теплом.

– Даже не знаю, обижаться мне на тебя или нет? Разливай тогда! – покраснелись Машкины щеки, от цветочного дурмана.

– Противопоказания отсутствуют! – пошутила Марта и разлила следующую порцию. – За нас!

– За нас! – с готовностью поддержала ее гостя, – с твоим вином можно и спиться, хорошо идет! – повела Машуня бровями, душевно похорошев.

– Ничего страшного! Ты Машенька, нас же тут всех и вылечишь своими молитвами, – рассудила Марта, изображая дивно-просветленный вид. – А некоторые и не пьют практически, такие как мой Денис. Трезвенник по принципам, пьет исключительно по большим праздникам!

– А как вы с ним познакомились? – обескураженно спросила захмелевшая подруга, проявив интерес.

– Ты разве не знаешь эту историю? – изумилась Мартушка, улыбаясь, будто сердцем горячим. – Я же вроде рассказывала...

– Это ты, наверное, Маруське рассказывала, а мне нет.

– Тогда слушай, – преобразилась Марта в рассказчицу, с жгучими глазами от невысокого градуса, и ночь за окном молчала, чтобы не мешать слушать:

– Дело было так: – я наготовила вишневое вино и отправилась на рынок торговать им. Стою, предвкушаю как денежки ко мне прилипнут. С деловым трепетом, предлагаю мимо шастающим бездельникам:

– Домашнее вино! Отличное домашнее вино! А тут, откуда не возьмись, прилип ко мне молодой симпатичный человек, в штатской форме. Представился Денисом. Говорит: – дай попробовать для начала!

– Или покупай или проходи мимо. За продукцию отвечаю!

– Сколько?

– Пятьсот ре!

Сунул он мне деньги, я ему бутылку вина в полиэтиленовом пакете. Так он мне:

– Вы задержаны, женщина!

– И так меня обидело слово – «женщина»! Уж как-то грубо он это сказал, словно мне за шестьдесят лет!

– Я не женщина, а девушка, – ему в ответ.

– Да, хоть ведьма! – адресовал он мне, а взгляд прямой, честный и не гнущийся под моими чарами. – Задержаны гражданочка, с полной конфискацией вашей продукции! – заявил он полновластно, подсовывая мне под нос свое удостоверение полицейского, приказывая следовать за ним!

Деваться было некуда. Думаю, вот «дура-то!» Сразу не поняла, что он представитель власти, и за чем меня только леший дернул продавать свое вино! – глубоко и с волнением вздохнула Марта, вспомнив свои прошлые переживания и продолжила:

– Посадил он меня за решетку.

– За решетку!? – испугалась Маша, прижав кулачок к губам.

– Ну как у них там называется? Каталажка, обезьянник, – разъяснила несведущей оживленная рассказчица.

Маша кивнула, – «мол, теперь ясно»

– Сижу там и думаю: – «песенка спета!», а Денис вино распробовал с товарищами и подошел расспрашивать: – «что да как, да откуда родом». Разговорившись с ним, освободил он свою пленницу, пригласив на второе свидание... Я тогда подумала: – «да как же! Не дождешься!» «Девушка я порядочная, во всех отношениях». Не хватало, чтобы посадил меня в тюрьму окончательно... И не пришла на то самое свидание! Так он меня нашел и ухаживать начал, а потом предложил жить с ним вместе... Вот такая любовь! – завершила удовлетворенно Марта и ветер вдохновенно похлопал ей, окно покачнув, подбрасывая к ногам запах лугов и росы.

– Здорово! Прекрасно как! Давай за это выпьем! – восторженно вымолвила Маша, с ленцой доброй.

– Давай! За нас, за любовь! – смело разлила Марта, чокаясь и выпивая молодое вино.

Девчата переоделись в свое, в надежде продолжить недолгие посиделки, но за окном подъехала машина с сиреной, и заглохла, остановившись рядом с домом. Храбрые шаги приближались к двум полуночницам. – Руки вверх, всем оставаться на своих местах! – непредсказуемо рявкнул молодой человек и сконфуженно остановился, взирая на подруг своим худым, но здоровым лицом, с коротко стриженной головой под фуражкой.

– Если врываешься, врывайся тихо! – ласково одернула Марта своего любимого и указала на Машу, которая от испуга прикрыла лицо руками, почувствовав стеснение. – Мы не ждали тебя!

– У меня просто перерыв выдался часок, заехал попить чаю. Я же не знал, что вы тут колдовское зелье дегустируете, – замялся Денис, мягко отшучиваясь, почесывая заостренный кончик носа.

– Отвези Машу до дома в таком случае, а я чайник поставлю!

– Да пусть у нас остается. Места полно! – указал вояка на просторную горницу.

– Нет, нет! Я к себе. Можно не подвозить даже, добегу сама на перерез! – остывший немного погодя яркий румянец на щеках Машки, зажегся смущением. Обуваясь, она успела представить всю дорогу от подруги до квартиры.

– Денис! – строго произнесла Марта и одарила любимого томным взглядом.

– Так! Не спорим с капитаном полиции! – прочитал вояка по глазам любимой. – Жду тебя, Мария, в машине, отправляемся домой! – распорядился он будто под гипнозом, и вышел из хаты.

– Пока Мартушка! – попрощалась она на ходу.

– Давай подруга, всегда рады гостям!

Мгла шелестела листвой, а под ногами утрамбовывалась гаечная дорожка. Месяц дрожал в небе, словно замерз. И тарахтела, и стучала дремота по улочкам поселка, где фонари раз через раз горели, источая бледное уличное освещение Денис быстро довез гостью к четырехэтажному панельному дому, где она жила на первом этаже.

– Спасибо!

Зайдя в квартиру и переобувшись, Машка подошла к форточке, приоткрывая ее. С улицы донеслись развеселые песни. – «Опять какие-то пьяницы ей не дадут поспать этой ночью!» – с раздражением подумала она. «Хорошо, что хоть на ее окнах надежные решетки. Не так страшно». Захлопнув обратно форточку, Маша разделась, растянулась на кровати и заснула.

3

Крутые облака, плотными меловыми шапками поплыли по синему небу, куда ветер дунет. А ветер нынче слабый, с приятным настроением и погонять резво ему не хочется. Солнце

размеренное, светит с любовью, и Маруськину избу, что стоит на открытой местности щадит летней прохладцей. Земля полна минералами и удобрениями, вхожая плодами, урожаем богатым. Береза, да рябина приветы передают, кланяются. Баня обожженная, пытит иногда, но с обработанным деревом черна стоит с полвека, да еще столько же простоит, если хозяин рукой заботливой следит будет, да приглядывать. Соседи справа отгородились забором железным, а с Денисом их живые кусты малины отделяют, смородины избыток, и крыжовник затесался в сочную компанию. Пять яблонь душистых, наливных, две сливы медовые и груша сочная. Огород сторожит, в штанинах длинных, чучело зоркое. Взгляд у него косится хмурый, глаза молчаливо-напряженные; и не страшны ему ни дождь, ни засуха. Закаленный волей ни одной вороны, ни одного голубя к урожаю не подпустит. А дом Маруськин – крепость, со знанием дела поставлен прадедом, что наделен был умом, душой, трудолюбием и представлением архитектурным. Но потрескалась на фасаде краска зеленая, облупилась, и стерлась его прежняя когда-то привлекательность.

У Маруси выдались тяжелые бессонные ночи, пропадая в пучине беспокойства и неопределенности за родную, но уже старенькую бабулю. Дряхлая, немощная старушка, ее любимая бабушка Паулина находилась при смерти. Фельдшер, которого вызвала внучка, объявил: – «остались считанные часы, к двум дня, если не раньше...» и уехал. Марусе ничего не оставалось делать, как сидеть у изголовья умирающей бабушки и сторожить последний вздох, подумав о том, «как так может определить врач, сколько осталось жить человеку?»

– Ты долго собралась тут выжидать? Поесть дай! – подошел к ней Влад, с недовольной гримасой, не замечая больную родственницу, бездыханно лежащую на койке.

Маруська неодобрительно ответила: – долго... – Еда на кухне! – отрезала она, направляя взгляд в сторону умирающей бабушки.

Владислав бессмысленно затормозился, бестактно застыв около жены, напрягая свои извилины и перебирая бесцельные мыслишки: – а доктор что сказал, неужели уже нельзя ничем ей помочь?» – спросил он, не поведя и бровью.

– К сожалению, нельзя! – резко отреагировала Маруська, не располагая желанием продолжать с ним диалог, теребя на себе летний халатик.

– Вызови другого фельдшера! – посоветовал ей муж, отстраненно, с холодноватым оттенком.

Маруся, подняв глаза, окинула своего супруга нестерпимой неприязнью, промолчав при этом...

– Какая ты несговорчивая! Дай мне тогда поесть, что тут сидеть весь день! Запах столбом нюхать, от которого меня стошнит сейчас! Может она так и завтра лежать будет и послезавтра! – возмутился Маруськин муж, повышая голос. Глаза его щегольские, да ледяным наростом смотрят.

Паулина закрутила головой. Внучка ухватила ее за коченевшую, костлявую руку, не понимая, чтобы это могло бы значить. Бабушка, открыв глаза, пришла в сознание:

– Внучка, позови Влада! – отчетливо попросила она, сиповатым голосом, захлюпав губами морщинистыми.

– Я здесь! – равнодушно отозвался Влад, переметнув на нее взгляд.

Паулина повела старческими глазами в сторону родственника:

– Открою тебе тайну, все равно бабка скоро сдохнет! – заявила она о себе критично, негодуя в предчувствии смертушки.

– Ну что ты такое говоришь, бабушка!? – рассеяно произнесла Маруся, срываясь до слез.

– Какую? – встрепенулся Влад, не домысливая. «Что такого интересного ему может сказать старуха, которая то и дело поругала его?»

Бабушка замолчала, собираясь с последними силами, кряхтя, вызванивая зубами.

– Какую, бабушка? – убедительно переспросил Влад, разинув губы и прищурив глаза с хитрецей.

– Мой отец...

– Ну? Что отец? Говорите!?

– Не ори на бабушку! – усмирила его Маруся, с негреющей ее изнутри кровью. Тело холодной испариной покрылось, залихорадило от рук до ног.

Старушка не торопилась сообщать, проваливаясь в своем сознании и возвращаясь обратно на какие-то непродолжительные отрезки времени.

– Вы сказали отец! Что в итоге? – переспросил Владислав в ожидании, низко склонившись своим лицом к слабо дышащей старушке, претерпевая через силу затхлый болезненный запах, исходящий от умирающей.

– Он... Он..., – глотала старушка слюну.

– Что он? – давил на старушку Влад, безотлагательно не давая ей сбиться с мысли. Лицо его уподобилось неподобающей злобной маске.

– Очень давно когда-то..., – глуховато, через силу выдала из себя умирающая, – отец с дедом закопали родовой клад..., – ясно и чисто произнесла Паулина.

– Клад!? Мне же не слышалось!? Где клад!? Говорите, бабушка, продолжайте! – не терпелось услышать Владу продолжение, загоревшись предвкушением, издавая ядовитый смешок и его лицо было переменчиво, словно погода, от хмурого дождливого дня, до солнечного сухого утра.

– «Откроется лишь любящему сердцу!» Так говорил мой отец! – еле вымолвила умирающая Паулина, шевеля синюшными, морщинистыми губами.

– Любящему? Так я люблю Маруську! – засвиристел Влад, – откройте мне тайну, где искать бабуля! – Подождите умирать, скажите сначала где! – затеребил он неистово хилую старушку за худое плечо, наблюдая как та закатила глаза.

– Откроется любящему..., – вырвался у Паулины последний вздох и старушка распласталась бездыханным телом. Пульсация прекратилась, жилы остывали, каменела.

– Бабушка, бабушка, повремени умирать! Договори где? Где копать? Мне нужны деньги! – взмолился Владислав с кислым выражением над мертвой Паулиной, нагло тормоша ее за голову.

– Влад, что ты делаешь! Остановись! – прикрикнула на него Маруся, отталкивая от кровати с покойницей. – Уймись! Умерла бабушка! Оставь ее! – задрожал Маруськин голос, содрогаясь от накатившихся слез.

Муж послушно убрал руки от покойницы. Его сердце стучало невероятно, и безумными глазами посмотрев на жену, тыкнул в ее сторону указательным пальцем: – Ты знаешь, где закопан клад! – лихорадочно предъявил он, раззадоренным взглядом. – Ты знаешь и не говоришь мне об этом! А я, как дурак, пытаюсь каждый день что-то заработать, а оказывается живем на деньжищах! – заискивающе хохотнул Влад, трясаясь всем телом, дергая спинку стула, на котором сидела еле живая Маруся.

Ее охватил ужас, завидя, как буквально на глазах, в малейшие доли секунды ее муж дурел, повредившись внезапно в уме, захлебываясь смехом от разыгравшегося воображения. – На деньжищах живем! – заорал он, вытягивая лицо до неузнаваемости в плутовских дерзаниях. Глаза страстно загорели пламенем черным, и от чистого голубого цвета одни крапинки остались.

– Да, что ты несешь! – не стерпела Маруся. – Не сходи с ума! Нет никакого клада! Мы с бабушкой всегда жили очень скромно! – отрезвляла она его, сквозь слезы, глазами отчаяния. – Я ничего про это не знаю! Не знаю! И уверена, что бабушку охватил предсмертный бред! Нет никого клада и быть не может в помине!

– Я найду его, железно найду! Бабка молодец! Я уверен, что она сказала мне правду! Обрадовала меня в довершении! Я богат! Я богат! Я богат! – заладил Влад в радостном дурмане, охваченный эйфорией. И видимо опомнившись, он недоверчиво зыркнул на жену хитрым блеском зрачков, и мигом удалился в спальню, где запричитал себе под нос, чтобы никто его, не дай бог не услышал! «Я богат! Опупеть просто! Я богат! Я богат!»

Маруся опустила у покойницы веки и тяжело присела на стул. Стрелки часов остановились, показывая ровно два часа дня. Небо пылает, земля плавится, солнце в красе стоит. И пчела, трудоголик прожужжала возле открытого окна, за натянутой сеткой. Слезы горькие стекали по щекам медленно и на халат падали; сквозь плачь она выдавила из себя:

– Бабушка! – Любимая моя бабушка! Ну зачем ты ему сказала, о несуществующем кладе? Он же ненормальный! Он не понимает, что это всего лишь родовая небылица... Сказание... Бабушка! Ах бабушка, бабулечка! Оставила ты меня одну – одинешеньку....

4

Солнечные румяна рассыпались, разлетелись мелкой пылью. И цветочки в румянах, и насекомые, и Алмаз подрумянился на солнце. Пить постоянно хочет. Лакает холодную воду, не отрываясь проглатывает, языком водит по дну миски до последней капли вылизывая. В такую жару, вода сейчас лучше, чем хрустящая бульонная косточка.

– Мама, – окликнула ее старшая дочь, Арина, положив нежную, девичью ладонь на плечо матери. В глазах боль, переживания за маму, губы зажатые, неживые. – Пойдем, ты ляжешь, а я схожу до Денисом, сообщу, что бабушки не стало. Попрошу, чтобы он зашел к нам, как сможет. – Давай, – подала она Марусе руку и мелкими шагами увела ее до кровати.

– Накапай мне капли, что-то в груди сжало, – попросила ее мама, обомлев от скорби. И тело окаменело, покоробилось, словно перестало принадлежать хозяйке.

– Сейчас мама, принесу. – Яна, присмотри за Соней, маме плохо, – долетел до Маруски голос старшей дочери.

– Сама смотри! Я гулять! – отказалась сестра, вредничая. Поверхностная для своего возраста.

– Прабабушки, Паулины не стало! – втолковала ей Арина, – поэтому ты останешься дома и не перечь мне! – твердо произнесла старшая сестра, осерчало сведя брови.

– Нет! Гулять пойду и ты меня не остановишь! – ногами перебирая к выходу. Прямолинейная Арина перегородила ей путь. – Мама, а Арина меня не отпускает гулять! – завопила средняя дочь, насупившись.

– Мама себя плохо чувствует, оставь маму в покое!

– Мама, мама, – проверещала Яна, направляясь к матери, ища у ней поддержки.

Арина цепко ухватила ее за руку:

– Не пущу! Нечего маму беспокоить!

– Мама! Арина не пускает меня гулять! – увернулась Янка от старшей сестры покраснев лицом, волосы клочками выдернулись из хвоста.

– Девочки! Девочки! – позвала дочерей своих Маруся, пересилив внутреннюю скорбь, в благоусмотрении рассудить споры. Сестры явились к матери. – Арина, Яна, давайте урегулировать вопросы мирно. Яна пусть пойдет погуляет, а с Соней я сама посижу, приведите ее сюда ко мне.

– Ура, мамочка! – обрадовалась Яна, глаза довольно заулыбались и сдавая Соню на попечение матери, она убежала гулять.

– Добренькая ты слишком, я бы не отпустила! – высказалась Арина, сгустившись тучей и ушла за успокоительным.

5

Южный, раскаленный ветер налетал порывами, обдавая Маруськину горницу пряностями созревших трав. Птичий гомон сделался тише. Солнце, припозднившись, възгало

последними, вьющимися лучами, заметалось за шторами, ютилось любопытно в комнате, редея.

В семь вечера к Марусе зашел Денис, худощавый, высокий, сдержанно-разумный. Его тугие щеки, отливали загаром. И жалостно посмотрев на двоюродную сестру, он прочитал на лице мглу и убитое несчастное сердце внучки.

– Сочувствую, я тоже любил Паулину! – печально произнес двоюродный брат по отцовской линии, вклиниваясь светло-кариими разумными глазами в сестру, присаживаясь рядышком на стул.

– Спасибо! – сказала Маруська и присела на край кровати.

– Влад то где?

– За избой прохлаждается. Слышишь, как голосит!? Уже выпил и песни поет во всю глотку!

– Это он так смерть оплакивает? – Чего он не на работе? – почесал Денис свой твердый затылок, неробкой жилистой рукой.

– Собирался вроде как после обеда, да вдруг решил, что с него хватит... – нездоровым голосом высказалась Маруся, покрываясь испариной, прибрал волосы назад.

– Дуралей, – произнес Денис, подумав, что это не его дело. – Как на счет похоронить в пятницу. Возьму выходной. Проводим на кладбище, место же есть вроде?

– Рядом с дедом.

– Уже легче, а тело покойной в доме?

– Нет. Забрали в морг. Дети боятся, – уронили ее губы неулыбчивую тональность, щеки серые, глаза заплаканные, с вздутыми веками. – Завтра нужно получить свидетельство о смерти.

– Вернусь с работы, свожу тебя утром, нет проблем, – кашлянул Денис, расстроено.

– Спасибо, что помогаешь.

– Пожалуйста, всегда рад помочь... В пятницу мы на кладбище, а Марту попрошу помочь с готовкой, а она пусть Машку зовет, подругу вашу, – сказал он и мрачно поглядел на Маруську, – жаль, что жизнь заканчивается, родные уходят, никого уж и не осталось у нас, – замолчал Денис задумавшись то время, как зрочки его блестели собранностью. – Дети то твои где? Что-то не слышно их..., – спросил он после образовавшейся паузы.

– Аришка смотрит за Соней, а Яна гуляет.

– Что ж, пойду я, ждет меня служба. Если Яну увижу, загоню ее ко двору, нечего ей сегодня долго гулять.

– Да, хорошо, загони если увидишь. Она любит на пригорке гулять с девочками, – заранее поблагодарила его Маруся, взглянув на брата. Лицо выражало собранность, решительный сосредоточенный взгляд. Работа обязывала, а ему то всего двадцать пять лет.

– До завтра, держись! – простился Денис и вышел на террасу, обходя вокруг дом, где застал выпившего Влада, обнимающего с лопатой, сидя на скамейке.

Где-то в самом низу участка, стекал ручей. Бежал весело тонкой струйкой. Играл каплями на уходящем солнце.

– О Денис! – протянул ему свою руку Влад, шатко держась на ногах. Панама на голове, в глазах муть осоловелая.

– Здравия желаю! – по привычке поздоровался Денис протянув ладонь, – лопатой то, чего вооружился, зимним посевом занимаешься? – поинтересовался он.

– Посевом? – переспросил кладоискатель и бегающими глазками, покосился на свою лопату, – да, точно. – Думаю лук, свеклу, морковь посадить, морозоустойчивые сорта, – объяснил садовод. Ладонь у Влада большая, не мозольная, но сильная в злости.

– Вроде рано?

– Да не рано, – прикинулся простаком Владислав, желая отделаться быстрее от ненужных разговоров, – вольюсь работать, а Маруська, будет давить на меня, отсюда решил заранее подготовиться....

– Ты только громко не пой, и много не пей, а то Маруся неважно себя чувствует, – вежливо попросил Денис, глядя на чудака и пустые бутылки из-под крепкого пива.

– Понял... воздержусь, – пообещал Влад представителю закона и попрошавшись с двояродным шурином, с ухмылкой довольной принялся в своем азартном одиночестве попивать далее, откупоривая четвертую по счету бутылочку «крепкого», предположительно размечая на глаз просторное поле для деятельности своих будущих раскопок. «Вот найду клад и на багамские острова уеду! Отлично заживу там! Кайфово!» – смаковал он, свои ложные послы. «А, Маруська?!» «А она пусть тут живет, как знает!» «Таких как моя Маруська, там пруд пруди и даже лучше!» «По щелчку!» – щелкнул он пальцами в довершение отрадных мыслей.

6

Дрема разгулялась по их округе, почти всех уложив спать. Насыщенная, густая тьма останавливала припозднившихся прохожих на первом же перекрестке и обрекала их уткнуться в путеводитель, ненамеренно сбивая с нужного пути.

Маша не могла заснуть. Певчие алкоголики запевали хором: – «Что тебе снится, крейсер Аврора; В час, когда утро встает над Невой?» Кто-то им кричал с окон: – заткнитесь, иначе над вами полиция встанет! Голоса затихали и где-то за кустами садового жасмина, раздавались заново и с новыми песнями.

Она переворачивалась с боку на бок. Натягивала одеяло, закидывала на себя сверху подушку, а когда становилось жарко, сбрасывала эту водруженную конструкцию и снова просыпалась от пьяных криков. «Откуда они берутся? В их четырехэтажке уже давно никто не пьет». «Наверное эти заблудшие, иначе как объяснить...»

«– Майкл...! Майкл...!» – Звал кто-то кого-то. «– Куда же ты..., Майкл?»

«Задам я этому Майклу!» – погрозились она и не заметила, как провалилась в глубокий сон.

В восемь утра зазвенел будильник. Машка протянула руку, желая поскорее его выключить, да тот отскочил, покотившись на пол, затрещав пуще прежнего, во все колокола.

«Как же ей не охота вставать!» Но она обещала прийти к Марусе, помочь с готовкой на поминки!

Откидывая одеяло и выползая вслед за будильником, она наконец-то выключила орущее изобретение. Поставив на плиту чайник, умылась, налила себе черное кофе. Свежее утро выглядывало в ее окно на первом этаже. Разросшиеся кусты шиповника отделяли ее живым заборчиком от идущих по тротуару любопытных зевак. С чашкой кофе в руках, она подошла к окну, выглядывая. В окружении розоцветия, на зеленой травке кто-то сладко спал...

– «О бог мой, кто же это пристроился под ее окнами!?» – испугалась она, отставляя в сторону недопитую чашку и облачившись в заранее приготовленную черную рубашку и юбку, торопливо покинула квартиру, затормозившись у подъезда. С любопытством обзрев спящего, она не слишком одобрительно подметила – «Мужчина. Нашел, где разложиться!» И тут же сердце Марии дрогнуло: – «замерзнуть может», но не озаботиться о том, чтобы как-то помочь уснувшему или уже почти «мертвому», о чем она потом всю дорогу до самого Маруськиного дома переживала.

7

Каждое утро солнце примеряется в разные оттенки, которые видны лишь внимательному глазу. Этим утром оно приобрело коньячный антураж, озарившись и замерцав, перемешавшись с голубым небом, обещая сухую и ясную погоду. Казалось, природа напевает свое особое, тихое приветствие, которое может услышать каждый, если захочет, стоит только замереть и прислушаться. Июль подходил к концу, приятно шелестев зелеными листьями на деревьях.

Маша прошла глазами, отмечая великолепие нынешнего лета и благочинный аромат соцветий. «Какой-то месяц и вся эта красота пожелтеет», – подумала она с сожалением, давно разлюбившая осень... И даже то, что в осени присутствует некий дух пестрого праздника, втягивающий всех в состояние литургии, не спасало ее положения. Осенние пейзажи никак не благословляли ее на хороший настрой. Осенними, темными вечерами душа Марии страдала от одиночества, обостряя застаревшую депрессию.

Она посмотрела по сторонам. «Может около нее давно есть кто-нибудь, некий «тайный вздохатель», скромно держащийся особнячком, мечтающий составить ей пару?» Но нет! Никого поблизости... Губы ее поджались жалобно.

По дороге ей встретила местная бабуля, Тамара Ильинична, разодетая в длинный прилично-выглядящий на ней сарафанчик. Как говорит про нее Маруся, «агент еще тот». Наперед знает про каждого, и даже то, чего и сам не успел сделать. Глаза как у ясновидящей, оптические стекла, пронизывающие полынью горькой. Машка поприветствовала ее кротко, поспешив мимо.

– Здравствуй Машуня, к Колосовым идешь? – задержала ее бабуля вопросом, скользнув по Маше боковым зрением.

– Да, сегодня же поминки бабушки Паулины, – встала Маша подле, вежливо отвечая.

– Знаю деточка, знаю про поминки, царство ей небесное...

– Да. Жаль Паулину, – вздохнула тяжело Мария, втянувшись в разговор, вслушиваясь в щебет птиц, стрекотание кузнечиков в утренней траве. Вот и корова замычала, на прилежащей улице и собака гавкнула, натягивая воздух, а в небе ритмично секлись неугомонные ласточки.

– Всех жалко, Машенька. Тебе не надо горевать, молодая ты, а у нас старых один уж конец!

– Убереги вас бог! – выпалила Машка, с продрогнувшими ногами от утренней прохлады.

– Спасибо, бог даст, поживем свое маленько, – улыбнулась она сомкнутыми уголками губ, и искрящее солнце коснулся ее неувядающего лица.

– Ладно, извините. Мне бежать надо, – подернулась Мария телом.

– Беги милая, беги, – отпустила ее Тамара Ильинична, не смея задерживать.

Утопала в солнечной одежде просторная Маруськина изба, с дощатым полом, где бабушка Паулина была лучом, животворящим озаряя собой всю горницу. И каждая травка сникла, березки, да рябина застыли в дань памяти, прощаясь с любимицей.

В доме суетилась Марта, одетая в черное, с покрытой головой, нарезаая на кухне сыр, колбасу, сало. На плите тушилась картошка с мясом. Варилась кутья на помин.

– Привет! – поздоровалась с ней Маша. Ее голубые глаза на фоне траурного облачения особо выделялись нежно.

– Привет, Машунечка! Повязывай фартук, берись за селедку, ты вроде спец по ней, – рьяно управлялась не скучающая Марта.

– Детей Маруськиных нет?

– Нет, Агафья Алексеевна, свекровь Маруськина, должна прийти с Яной и Соней, а Арина со всеми ушла на похороны. А что?

– Я им конфеты принесла, – произнесла Мария, показывая на пакет.

– На стуле оставь, как придут, угостишь. – А платок твой где? – заметила Марта, хлопоча.

– Про платок я и не подумала, – замешалась Маша, упустив нюанс.

– У меня есть запасной, повяжу тебе, как полагается, – заверила ее Марта, и Маша наклонилась вперед. – Ты чего такая, как будто не выспалась? – поинтересовалась подруга, обратив внимание на темные Машкины круги под глазами.

– Не знаю, что-то спала плохо, – ответила Мария, приступая разделявать сельдь. – Представляешь, какой-то мужчина заснул у меня под окном, – поведала она.

– Забуддыга что ли? Хочешь Дениса не него натравим? – прозвенела пылкая Марта, поспевая с помощью.

– Нет, нет. Ты что! – всколыхнулась Маша, – думаю, проспится и сам уйдет. – Мне казалось, что через колючий шиповник к моим окнам никто не проберется. И как только его занесло?

– Ничего удивительного! Пьяный себя не помнит. Главное шибко не переживай, Машунь, если вздумает ходить под твои окна полеживать, сразу позвони мне, а Денис там разберется, – беззлобно, но по делу разложила Марта, располагаясь улыбнувшись.

Маша оцепенела, огорошено посмотрев на подругу:

– Думаешь, может повадиться?

– Не факт, но всякие бывают личности, не хочу страшить тебя, элементарно будь осторожна, если что, обращайся, – успокоила ее Марта, заверив в помощи. Но, Машка заробела, искусно запрятав страх, она выкладывала на селедочницу сельдь, принимаясь нарезать лук.

– В большой комнате поставили стол, все блюда сразу туда составляем, – распорядилась Мартушка, унося овощи. – Хлеб осталось нарезать. Скоро уж вернутся...

8

Первая явилась свекровь, Агафья Алексеевна. Привела внучек, которые ночевали у нее. Соня, после смерти Паулины, ежечасно спрашивала:

– «А бабушка теперь приведение?», чем накануне напугала Янку, а Яне одной было не интересно бояться, выбрав себе в компаньонки младшую сестру, подговорив ее закатить истерику, чтобы уйти вместе ночевать в другой дом. Владу ничего не оставалось, как увезти их к своей матери, которая от силы, раза три, не больше, за все время почивала у себя в гостях родных внучек, неоднократно отказываясь брать, ссылаясь на плохое здоровье.

Седая, постаревшая женщина, с глазами вдовы, молчаливо поздоровавшись с двумя энергичными помощницами по хозяйству, заставила девочек помыть руки, после чего прошла в комнату, присаживаясь у стола. На стене, возле протертого дивана, висел ковер дорогостоящий, ручной работы, ромбами перекрестился за упокой.

– Ты видела, какой у нее взгляд, пренебрежительный, стылый? – прошептала Марта, заметавшись по кухне, – мне аж не по себе от нее.

– Маруся как-то обмолвилась, что жизнь потрепала ее нещадно, поэтому она с возрастом нелюдимая такая, – просветила Мария подругу, приоткрывая личную тайну Маруськиной свекрови.

– Печально, раз так...

Вскоре с кладбища вернулись Денис, Влад, Маруся со старшей дочерью Ариной и две пожилые соседки, которые близко общались с Паулиной при жизни. «Провожающие в последний путь», тщательно обтерев ноги об мокрую тряпку на крыльце, зашли в хату.

Маруся, подавленная утратой, сидела бледная, как в воду опущенная. Марта слегка подтолкнула локтем Машу, показывая на страдающую подругу. Они с радостью бы были готовы, облегчить ее душевные страдания, но не знали, как...

Агафья Алексеевна, Маруськина свекровь, долго не засиживалась. Помянув со всеми упокоенную, сославшись на дела, попрощалась с присутствующими и поспешила удалиться. За ней сразу же ушли две пожилые дамы, дружившие с Паулиной по-соседски.

Маруськины дочери скрылись в другой комнату для поедания шоколадных конфет, что принесла им Маша.

Влад настроился обстоятельно. Помянув бабушку стаканом водки, он плотно и охотно закусил, забивая свои щеки едой, подобно хомяку. Ныне тяготея к кладоискательству «силы ой, как скоро пригодятся». Работы непочатый край, и ему на этот раз стопудово повезет! А посему, такую удачу надобно отметить, наливая себе следующий стакан, после которого и счет потерялся. Развеселился он не на шутку, обводя по собравшимся у поминального стола, про-

нырливыми глазками чтоб даже мысли ни одной не могли его прочитать, бесцеремонно разболтавшись языком:

– Жаль, конечно, Паулину, жаль... Хорошая была бабка. Тепленькая, сладенькая... Пусть земля ей будет пухом! Недолюбливала она меня, ну и ладно, главное, нужную дорожку указала. Давайте помянем ее по-людски, царство ей небесное! – разошелся Влад, с щеками маслянистыми.

– Ну, может хватит тебе уже! – не сдержалась Маруся.

– Мне!? – удивился подвыпивший Влад, глаза пафосно лоснятся, – я трезвый как огурец! – Я столько могу выпить, что другому неведому! И схватив бутылку водки умело налил перво-наперво себе, а далее по кругу, – за владение информацией! – сболтнул он не к месту и выпив в два счета, запел во весь дребезжащий, занозистый голос:

– *«На поле танки грохотали, Солдаты шли в последний бой, А молодого командира несли с пробитой головой».*

– Влад, Влад, пожалуйста, иди петь на улицу! – попросила его Маруся, которую уж начало потряхивать от пьяного мужа.

– Давай Влад, – пойдем покурим! – позвал его Денис, статно держащий себя, почувствовав, что Маруся заводится.

– Пойдем, дружище! Только я заберу свою бутылку, с ними сидеть скучно! Ни попеть, ни поплясать! – не сопротивлялся Влад, унося с собой недопитую бутылку водки, качающей походкой.

Маруся выпроводила мужа источающим мрачным взглядом, почувствовав успокоение. Подруги глядели на нее, с пониманием.

– Ты только, Маруся, не замыкайся надолго, – попросила ее Марта, – будет плохо, приходи ко мне. – Посидим, поговорим. Хочешь, до Липецка доедем, в парке погуляем.

– Или ко мне приходи, – предложила Мария, – помогу чем смогу!

– Спасибо вам подруженьки мои, за поддержку, – поблагодарила их Маруся.

9

За окном распространялся солнечный рассвет. Маруся, открыв глаза, прочувствовала маленький комочек, безмятежно сопящий тесно с ней. «Как прекрасно быть мамой!» – порадовалась ее душа... Поцеловав дочь, она встала, оглядывая комнату. Арина и Яна спали, каждая на своих кроватях, расположенных у окна. «Значит вчера она заснула в детской, избегая в стельку пьяного Влада». Ей частенько приходилось ночевать в комнате дочерей, скрываясь от через чур набравшегося вдрызг мужа.

За пределами детской заглодело. Окна и дверь на террасу были распахнуты. За ночь на кухне похозяйничал «Мамай». На полу валялись окурки, разбросанные пустые бутылки, чешуя от сушеной рыбы. «Слава богу, что дом не спалил!», – смягчилась она, поразмыслив. Озябнув до гусиной корочки, Маруся вынужденно позакрывала створки, оградившись от ночной изморози и схватившись за веник, резво прибрала бардак. Умывшись, в маленькой, когда-то сооруженной ее отцом ванной, включила чайник.

Запах кофе обосновался на кухне. Тщательно намазанный бутерброд с маслом выглядел отменным деликатесом, «ведь ничего вкуснее не бывает этого», подначивая хозяйку определенным аппетитным утолением. И так бы она сидела бы, в пронизанной красотой предрасветной радуге, но издали заголосил петух, напоминая про Алмаза, притаившегося в будке.

– Держи, мой хороший, – поставила Маруся перед собакой миску с похлебкой, – кушай, Алмаз!

Заспанная, пригревшая в конуре овчарка, закопошилась и затеплилась. Звякнув стальным поводком, псина подалась к хозяйке, потрясая интенсивно своей жесткой шерстью, стряхивая глубокий сон. Принюхавшись к похлебке, собака с благодарностью лизнула Марусякину руку, утыкаясь мордой в миску.

Маруся поднялась, излюблено облюбовав глазами свой участок с избой; зеленую травку, распустившиеся цветы у дома, птицы в оранжево-гвоздичном небе. Природа степенно включалась, издавала гул, трескотню, жужжание, шорохи. И это утро побудило в ней единое благолепие и умиротворение, оставляя Паулину в прошлом, принимая жизнь вразумлено, сохранив мудрый и добрый бабушкин лик в своей душе.

Не успев воротиться в хату, как на Маруську набросился помятый Влад:

– Вот ты где? Я тебя искал. Завтрак мне делай! – приказал он, закрываясь в умывальне.

Подойдя к плите, Маруся зажгла газ и разбила два яйца, разжарив на сковороде.

– Не вздумай мне курить там! – погрозила она мужу через дверь, почувяв, что оттуда уже понесло дымом. – Неужели так трудно выйти на улицу?

– Трудно! – раздался чахлый ответ.

Поставив на стол тарелку с яичницей, Маруся налила чай. – Ты едешь сегодня работать?

– Какой там?! Ты что, не видишь, как мне плохо!? Работа изнурила меня в доску, – отмахнулся Владислав от разговора, присевший поесть, трясущейся рукой держа вилку.

– Вижу..., – подтвердила она, снисходительно, – но Алмаза все равно придется тебя вывести погулять до лужайки.

– Попозже. Посплю пока немного.

На кухню зашла Соня. – Кто там проснулся? – расплылась Маруся в улыбке, – иди ко мне, моя красавица!

– Мама, мамочка, ты сегодня со мною спала?

– Да, лапуля моя, с тобой.

– А ты меня любишь?

– Люблю, – сердечно призналась Маруся и зацеловала свою младшую дочь. – Садись, я тебе чаю налью, кашу сварю.

– Во! Мне бы так! – приревновал муж к дочери, приговаривая: – «Любимый, присаживайся. Каша и чай уже готовы». – А меня доча чего не целует?

Соня замотала головой, прилипнув глазами к маме.

– Ладно, попросишь меня конфет купить...

– Мне мама купит! – защитилась Соня.

Влад показал дочери язык, смываясь с кухни, оставляя на столе не убранную за собой посуду. Не без сожаления она проводила его, предвидя, что он задурит и ближайшее время работать не собирается, в чем, собственно, она и убедилась.

Первый день ее муж отлеживался, второй пил, на третий отправился за огород, копать клад. На четвертый сорвал себе спину, на пятый крепился здоровьем, на шестой пил, на седьмой день принялся отчаянно рыть землю, разрыхляя траншею... На восьмой у него иссякло настроение и пропал энтузиазм браться за лопату, но зато снова появилось желание выпить. На какие деньги он пил, Марусиному уму было непостижимо. И так прошла вторая неделя. Избегая мыслить о плохом, Маруся отдавала отчет в том, что «жить вне любви – не худший вариант, жить без денег – уже труднее...» И то, что бабушка оставила ей небольшие свои сбережения, Владиславу знать воспрещалось, ибо ее нестабильный супруг, находящийся в регулярных поисках себя и выгоды, приносил в семью одни напасти, что прям так и цеплялись к нему.

10

Почтенный август, помузицировав легкой дымкой со сладковатым привкусом, под аранжировку уходящего лета, вторгнулся маршем в липецкую область. Стояли последние теплые, солнечные дни. Пожелтела, высохла местами зеленая трава; медленно пролетали по небу белые витиеватые тучки. Отовсюду доносилась мелодия разно-пестрых птиц, прячущихся на самой макушке лиственных деревьев, у которых утратив силу, отрывались и далеко разносились потухшие листья.

Маруся подошла к яме и наиболее любезным голосом обратилась к мужу, расположившемуся на самом дне широкой окопы. Отбросившему подальше от себя лопату и задумавшись о чем-то с досадным лицом, он стоял в круглой панаме, в образе застывшей статуи.

– Влад, сколько можно идти на поводу у своего богатого воображения? – спросила она, выдерживая тон. – В доме элементарно закончился сахар, чай, и твой телефон названивает целый день!

– Правильно подметила, что богат я всего лишь не более чем на воображение, но скоро все поменяется, когда найду клад, – ответил амбициозно ее супруг, подкуривая сигарету спичками, – и копал бы до первых заморозков, но и здесь отмечу, ты снова права, мне нужно что-то решить с работой, тем более что возникла серьезная проблемка...

– Проблемка!? – всполошилась Маруся, тут же начиная опасаться этого слова. Пахло свежевырытой землей, и ей под пальцы в шлепанцы присыпался глинистый песок.

– Да, проблемка! И лишь ты одна мне можешь в этом помочь! – проговорил он с сигаретой во рту, потирая натертые руки мозолью.

– Я? О чем ты?

Выдержав деликатную паузу, Влад медленно поднялся по деревянной лестнице, с выражением чувства собственного достоинства:

– Ты же знаешь, я не работал две недели, – продолжил он разговор, близко поддавшись к жене, освобождая ботинки от налипшей глины, выкидывая недокурную сигарету. – Произшел некоторый простой, нащелкав за аренду машины, – протарахтел он.

Маруся, окинув его смугло-загорелые уши, отросшие виски из-под панамы и небритую щетину, – ускорила шаг к избе. Потная футболка Влада, вытянувшись, висела на нем.

– И в этом я ни в коем случае ни при чем! – урезонивал ей муж, с незастенчивым взглядом. – Во всем виновата «нажива», на которую меня подбила Паулина, как назло, не договорив, где копать, в каком конкретном месте. А я-то лопух, понадеялся быстренько открыть клад, зажать припеваючи, а оказалось немного прощляпил! Марусенька, любимая, что ж выходит, несдобровать мне! Они приедут и убьют меня, без всякой пощады! – взвыл Влад, произнося чрезвычайно важным голосом, скривив несчастную гримасу и солнце ужимаясь, подобрало луч с грустного клочка земли.

– Кто они? – забурлил ее голос.

– Арендодатели такси. Мне срочно нужны рубли!

– И сколько же!?

– Двадцать тысяч! – выдал он, снова закуривая.

– Что?! Ты в своем уме! – вспыхнула она, содрогнувшись. – С чего ты взял, что у меня есть такие деньги?! – встревоженно запыхала ее щеки. Повернувшись, ее взгляда коснулась узорчатая бабочка, умиротворенно пролетев мимо взмахивая крыльшками.

– Я знаю, что у тебя есть! – дерзко намекнул Влад, впиваясь в Марусю молящими глазами.

– Не знаю, как ты будешь выкручиваться, но у меня нету таких денег! Ищи, где хочешь! – сурово произнесла она. – И сигнальную ленту накрути тут вокруг своих построек, не дай бог побегут дети и убьются из-за твоих земляных нагромождений! – почти выкрикнула она отправляясь стрелой к избе по дорожке из декоративного камня, что выложил когда-то очень давно ее отец, облагораживая для мамы территорию вокруг.

– Накручу, но все же послушай! Мы не договорили... Ты должна мне помочь! – напирал Влад, надеясь расположить жену в свою пользу, выбрасывая тлевший бычок от сигареты. – Мне больше некому обратиться!

Маруся повернулась к нему лицом, задержалась:

– Я предостерегала, что это дело выеденного яйца не стоит! В нашем роду отродясь не было никакого клада! А ты извечно делаешь, что тебе взбредет в голову, лучше бы в бане заменил прогнившую доску! Там теперь действительно можно подвернуть и сломать ногу, да

кубарем угодить носом в раковину! – испепелился ее голос, надрываясь. Маруся поднялась на террасу, где под крышей сплел себе паучок воздушную, шелковую сеть.

– Да, что твоя доска? Работы на пять минут! Сейчас другая задача, более важная! – давил на нее Влад, не отставая ни на шаг, направляясь напрямиком за женой.

– У меня нет таких денег, как ты не поймешь!

– Как хочешь, ты должна мне их найти! – злоупотреблял Влад Маруськиным терпением,

– С чего ты взял, что я тебе должна? – вспыхнула она, повернувшись к мужу, кое-как сдерживаясь.

– Да потому, что ты моя жена и родила мне детей! Хотя бы уже поэтому ты должна мне найти эти деньги! – отпарировал Владислав фактами, снимая с головы синею панаму.

Маруся не хотела ничего слушать, пытаясь куда-нибудь скрыться с его глаз. Дома, она зашла в просторную детскую комнату, оторвала Соню от игры и посадила ее к себе на колени. Так бы и сидела с ней обнявшись два часа, но Влад заявился в комнату не переставая убеждать. – Ты понимаешь, почему я не работал? – морщил он лоб, шевеля губами.

– Потому, что ты не у дел!

– Нет, потому что у меня была депрессия, заметь – «не от хорошей жизни», – оправдывался Влад, хлюпая носом. – Обещаю тебе, что заплачу за простой и поеду работать. Сам уже устал заниматься неисповедимо чем, – произнес он так, будто осознал что-то на минуту, и продолжил: – конечно, я знаю, что затея стоит свеч, но без денег сидеть не ахти! У меня и сигареты закончились. И сделай мне что-нибудь поесть в конце концов!

– Мама, я тоже хочу есть! – проговорила Соня, хлопая маму по коленкам.

– Смотри, меня дочь и то понимает!

Маруся повиновалась и ушла на кухню, покормить свое семейство. Деньги у Маруси были. Те самые небольшие скопления, что оставила ей бабушка, но нужно было заплатить за газ, электричество и мало ли что вот так понадобится. Сейчас отдаст Владу, а сама без копейки останется, чего она боялась на самом деле. Ей то верно никто не поможет!

После обеда, Влад не унимался, стиснув зубы, доматывался до жены. Ему звонили на телефон, запугивая и угрожая, передав, что времени отвели до шести вечера, иначе разговаривать с ним будут уже другие люди.

– Спроси у мамы, – посоветовала ему Маруся, после обеда, – она одолжит тебе, ты заплатишь и поедешь работать. Глаза ее излучали холодный свет.

– Ты слышишь себя!?! – возмутился Влад, хватая себя за потную футболку загорелыми руками, – откуда у пенсионерки такие деньги!?

– А у меня откуда? Я не работаю! – веско отразила Маруся атаку мужа.

– Не сомневаюсь, что они у тебя есть, – подчеркнул Влад, убедительно-сдержанный голосом, – займи у Дениса или Машки! – Я обещаю, что всю зарплату отдавать тебе буду! Всю до копейки!

Маруськина нервная система не выдержала и сдалась:

– Ладно, так уж и быть! Смотри за Соней, я схожу к Денису! И если он не одолжит, ищи сам! – приняла она окончательное решение, придумав план: «занять для вида, отдать из своих накоплений». И хоть с Влада «как с гуся вода», но в ее руках будет элементарный рычаг воздействия чтобы муж не глумился, а работал и как бы «возвращал этот долг». В любом случае, в доме иссякли продуктовые запасы, и потому Владиславу непременно нужно восстановиться на работе. Кто-то ведь должен кормить семью?!

11

Марусины щеки покраснелись от финансовых столкновений с мужем, да вроде разглядывать ее некому, всего-то добежать до соседней хаты. Надев джинсы и футболку на фигуру отточенную, она собрала свои длинные каштановые волосы в высокий хвост, раскрывая образ молодой красиво-цветущей девчонки. «Так-то лучше». Пройдя каких-то пятнадцать шагов она

поднялась на крылечко и проникнув внутрь как «своя-родная», окликнула: – Марта! – Денис!
В гостиной комнате, расположился молодой человек, уткнувшийся в телефон.

– Привет! – сказала ему Маруся по-обывательски.

– Привет, – поздоровался молодой человек, мельком взглянув на нее.

– Маруся, Маруся, – иди сюда! – услышала она голос Марты, из комнаты, что прилегала.

– Ты что тут прячешься? – тихим голосом произнесла подруга.

– Да, так..., думаю, во что переодеться. Не в халате же мне ходить, когда Денискин друг приехал, – зашептала она. – Кстати, его Женей зовут.

– Я знаю его, – заверила Маруся. – Они с Денисом вроде вместе в одном классе учились, да и живет он на соседской улице. Пересекались иной раз на улице.

– Что ж, в таком случае можно не представлять вас... А с лицом то твоим что, как с поля битвы? – спросила Марта отставляя свое платье в сторону, внимательно оглядев Марусю.

– Нервное. Пройдет сейчас. Влад не работал две недели, задолжал за аренду двадцать тысяч.

– Да, ты что! Где же взять такие деньги?

– У меня имеется эта сумма, но прибежала к вам, как будто занять пришла, – успокоила она подругу.

– Точно? Хочешь, у Дениса спроси, он уж скоро должен быть, смену сдавал.

– Нет, нет. Лишние долги мне не по карману, – отказалась Маруся. – Пойду я.

– Задержись, хоть на минуточку, поболтаем.

– Не могу, побежала обратно. Влад ждет!

– Что ж, заходи почаще, подруга.

– Приду, – пообещала Маруся и выйдя из комнаты на какой-то короткий миг, явственно встретила с Жениным взглядом. «Какая борода!» – отчетливо промелькнуло в ее голове, не ведая, как тут же сошло на нее хрустальное явление, спустившиеся оттуда, где небо переплетается с землей, просочившись беспрепятственно через жестяную крышу кирпичной избы. Проникающий светоч любви своим полярным излучением залетел прямо в Марусякино сердце, поразив самый эпицентр сердцевины связывая двух людей органичным сплавом иной сферы, обдавая их тела без остатка вспыхнувшим пламенем огня. Обратный путь она проделала с одухотворенным лицом, окутанная тончайшим слоем ультрамариновой счастливой аурой.

Дома украдкой отсчитав деньги из тайничка, она прошла на кухню, где уселась на стул в глубокой задумчивости, в попытке осознать, «что же произошло с ней только что – «такое»?» «Что поменялось в ней, буквально за считанные мили секунд?» Душа навеивала ответ – это любовь! «Любовь?!» То, что она чувствовала было упоительно чудесным и почему-то красочным извне, словно кто-то улучшил цветовую контрастность, расширив и добавив качественно насыщенные яркие оттенки в акварельной палитре, преображая ее саму и все вокруг. Но это нельзя было потрогать, осязать на вкус или увидеть невооруженным глазом. Сердце наполнилось ощущением непревзойденной истины своего бытия и ликовало.

Уйдя в себя, она не заметила, как к ней подошел Влад.

– Ну что?

Маруся не отвечала.

– Что молчишь? Что с деньгами? – повторил он свой вопрос.

– А? Деньги? – Маруся, со видимым спокойствием, указала пальцем на стол, где лежали сложенные купюры в четыре раза. Ей так не хотелось сейчас разговаривать, в эту самую минуту, когда ее нутро напевало какую-то небывало красивую мелодию, которую она до этого не слышала раньше.

Влад схватился за деньги и незамедлительно уехал на арендованной машине, в беспокойстве о спасении своей шкуры.

Маруся, у которой наполнилась душа россыпью солнечной, прошла в детскую комнату, где Арина игралась с Соней.

– А вот и наша мама пришла, – задорно сообщила Арина, хорошенечко приладившая для прогулки.

Маленькая, рыжая лисичка, Соня подлетела к Маруське, обнимая ее за шею:

– Мама, мама пришла!

– Ладно, мам, я пойду гулять, меня подруги ждут, – уведомила ее старшая дочь, звездно сияя.

– Что? Гулять? – тихой необъяснимой задумчивостью переспросила Маруся.

– Да, мама, гулять. Лето как никак. Что с тобой?

– Ничего. Иди, конечно. Янку в восемь вечера загони домой, пожалуйста, – ответила она, с глазами, обращенными внутрь.

– Хорошо, мам.

Маруська осталась сидеть с Соней, объятая блаженным источником света. Сегодня все изменилось в ее жизни. Сегодня изменилась она.

12

Через окно подобралась тихая лунная ночь, забирая Марусин сон. В поисках удобной позы, она ворочалась и крутилась, в то время пока ее муж близехонько спал крепко. Не в силах сомкнуть глаза, Маруська думала о Жене. Его имя – это в принципе все, что ей было известно... Прежде столкнувшись с ним на поселковой улице, обронив приветствие, они разошлись налегке, продолжая каждый идти своей дорожкой, не испытывая к противоположной персоне ни малейшего интереса. А сейчас перед ее глазами отчетливо прокручивался тот момент, когда накануне, встретившись с ним взглядом, она заметила его потрясающую бороду, которую он не носил до этого! Но тут ее измышления не прекращались, докучливо лезли и лезли в голову, путая вопросами и суждениями, переворачивая все прежние Марускины представления о благообразии любви. «Для чего удружили ей эту любовь? Зачем? Иди это она сама, в миг потеряла голову» И как вообще так могло получиться? Возможно, любовный эликсир вскоре перестанет на нее действовать, растворится и улетучится? Что если всего через какую-то неделю от этих чувств не останется и следа...? И если терпеливо обождать, и это «все» – исчезнет. И это «все» – это «что?» Как объяснить? Каким методом это чувство невольно проникло в ее душу, обходя разум? Если душа чувствует, а разум соглашается, разделяя взгляды, то сам же «разум» начинает задавать ей дурацкие вопросы, на которые она не знает ответа. И может так случится, что ей не дано будет познать истинное предназначение этих чувств, ни в эту ночь, ни в последующую, ни в какие другие сутки.

И уставшая от бессонницы Маруся, не сумев сомкнуть глаз до самого восхождения солнца, уж вознамерилась склониться в сон, как ее сердце защемило от правдивого подозрения: – «они никогда не будут вместе!» «Никогда!» Женя рано или поздно обзаведется семьей, а она уже при муже и детях. «Стоп!» Зачем она вообще допустила такое, разыгрывая свою через чур неукротимую, ночную фантазию, заранее продумывая нереальные будущие планы??? Этак безумная глупость!!! Естественно, у этих чувств нет ни будущего, ни продолжения! Она достоверно знала: – «Влад ее никуда не отпустит, а если уйдет, то и жизни не даст!» Да и много других обстоятельств... Доходчиво напросившейся вывод что, «безусловно – никогда», – не остановил тягучесть мысли, навязчиво зациклился в ее внутреннем диалоге, пока звонко не заголосил петух с окраины, пресекая раздумья. «Всепремудрая» любовь, нежданно зародившаяся в ее душе, очевидно непостижимая повседневному рассудку, казалась и странной, и благопристойной одновременно.

Утром она предположила, если Денис, которому недавно исполнилось двадцать пять лет – ровесники с Женей, стало быть, между ними разница в десять лет! «Она такая взрослая, а

он в принципе совсем молод...» Нет и доли сомнений, между ними ничего не может быть! Но чувства никуда не ушли и продолжали одолевать ее, не оставляя ни разум, ни душу в покое.

В обед проснулся Влад и попросил завтрак. – Я сейчас поеду работать, – проговорил он, доедая вкусную гречневую кашу.

– Хорошо, – ответила Маруся.

– И все что ты мне можешь сказать? – спросил Влад, – а где любимый, я тебя буду ждать в спальне, ужин будет на плите.

– Любимый, ужин будет на плите, – произнесла она равнодушным голосом и взглянув в голубые глаза своего мужа, увидела в них «затерявшуюся пустоту».

– Ты сегодня спишь со мною, а не в детской, а то подзабыла про супружеский долг.

– Езжай уже работать, – ответила Маруся.

– Целуй на дорожку, – наклонился Влад, прикасаясь к ней своими липкими губами, причмокивая перед выходом.

Маруся проводила его через окно на террасе, у нее своих дел по дому куча. Уборка, стирка, готовка, дети...

13

Странствующее серое утро вежливо разбудило Машу на работу, не дождавшись будильника. Она открыла ясные очи и благодатно поводила ими по комнате с веселыми обоями в цветочек. Потянувшись и пробудившись окончательно, втиснув ноги в мягкие тапочки, ушла умываться. Выпивая кофе, освидетельствовала через окно свою мини-лужайку, занятую «неким» на очередной ночлег. На этот раз озаботившись состраданием к новому постояльцу, Мария подготовила спортивный мягкий коврик и бутылку воды. Перекинув поверх плаща дамскую сумочку, она влезла в туфли на невысоком каблучке и подхватив снаряжение, покинула квартиру. Неустрашимая Мария легонько дотронулась до плеча спящего, качнув его, обратилась:

– Эй мужчина, вы живы?

Молодой человек промямлил что-то несвязанное, похожее на околесицу, проявив небольшой проблеск своего сознания, но тут-же затих, выиграв подслащенным храпом, пребывая во власти сна. Подвергнув его осмотру, Машка осторожно положила возле с ним коврик и бутылку воды, зажимая губы в ироничной улыбке: отросшие волнистые волосы, прямой, с широкими крыльями нос, черные брови и припухшие губы. «Красавчик!» – решила она. Спящий красавчик, неосознанно вскинул свою руку к ноге Марии. Вскрикнув в испуге, она отпрыгнула, напустив на себя боязливость. Выровняв дыхание и бросив напоследок свой синеглазый взгляд: «спит себе, как ни в чем не бывало!» с чистой совестью покинула незнакомца, поспешив к себе на работу в цветочную лавку, где каждый день покупали у нее «влюбленные» букетики свежих цветов.

Весь день у нее не выходил из головы новоиспеченный завсегда. По большому счету, он даже не пропащий забулдыга, а парень молодой, что губит себя злосчастливым алкоголем. Одно порадовало Машу, ее коврик пригодился, находя свое применение у красавчика, как и бутылка с водой, которую она периодически заменяла на полную, подкладывая ему. Но через некоторое время случился перерыв, ее постоялец не появлялся под окном аж целых два дня, чем однозначно расстроил Марию. Коврик в простое, вода не тронута. Но, с другой стороны, возможно это и к лучшему... Утренний воздух становился прохладнее, опускаясь на термометре почти на градус. Сентябрь напружинился холодным циклоном, покрывая зеленую траву сизым инеем, промораживая землю.

Оставив с вечера открытую форточку, комната к утру заледенела. И хоть под одеялом было тепло, но высунутый, будто из норки, Машкин нос, успел подмерзнуть к рассвету. Кое-как пересилив холод, скинув одеяло, она подошла запереть оконце, не забывая мельком окинуть безлюдную лужайку. «Может его прогнали соседи?» После завтрака, обернувшись теплым кардиганом, она направилась под свои же окна, убрать с лужайки коврик и пластиковую

бутылку, что вроде как оставалась там валяться. «Было бы даже хорошо, если он больше не придет!» – подумала она, как из-за угла на нее вышел мужчина, с загорелым лицом и обросшей щетиной. Высокий незванный гость, одетый в протертые штаны и кожанку, уперся в нее воспаленными карими очами. Испуганная Маша забывшись отвести взгляд, отметила у красавчика длинные ресницы и правильный, сдержанный блеск его глазниц.

– Принесите воды, пожалуйста, – болезненно попросил он, не моргая, протягивая Маше пустую посудину.

– Воды? Конечно, сейчас, – миролюбиво прозвучал Машкин голос, ускакав за водичей. Вернувшись, она вручила ему полную бутылку.

– Спасибо, – поблагодарил молодой человек, опустошая ее большими глотками. – Вы извините меня, что тут пристроился, – оживился он, порозовев, – вы очень добры, что приносите мне воду, да и газон мягкий, – чистосердечно выразил признательность.

– Пожалуйста, мне не трудно. А газон я сама высаживала, но поймите меня правильно, если начнут ругаться соседи..., – не знала Мария, что лучше посоветовать...

– Понял вас, словчусь поискать другое место, – произнес он учтиво.

– Может вы чаю хотите? – зачем-то предложила Маша.

– А можно? – воспрянул постоялец. – Меня Майклом зовут, а Вас?

– Маша, – ответила она, – пойдете, – и направилась в квартиру, заслышав за собой шаги гостя, – Проходите, обувь можете не снимать, а руки помойте здесь, – сказала она, показывая ванну, – а там кухня.

Майкл повесил на крючок свою кожанку и зашел в ванну. Машка гостеприимно нарезала бутерброды, налила чай. Гость присел к столу. Мария задумалась, «что если он бомж, то от него должно вонять», но от Майкла ничем не пахло.

– Холодно уже, вот так спать, заболеть недолго, – заботливо проговорила она, отражая на лице благоразумие.

– Нормально. Я закаленный.

Маша замаялась, наблюдая как он интеллигентно ест бутерброды и запивает чаем. – А дом у вас есть? – вырвался у нее сам по себе, некорректный вопрос.

– Как вам сказать... – прожевал он еду, допивая чай. – Я тут в гости приехал к другу и завис. И не знаю теперь, как уж выбраться... Каждый день думаю, что сегодня впрямь уеду домой и каждый день с точностью повторяется. Спасибо вот вам, что водой угощаете.

– Да, что вы, не за что! – воскликнула Мария, покраснев до корней волос, – хотя..., может быть, это была не я?

– Я видел вас, – заверил он, без сяких сомнений.

– Воды то полно в кране, не жалко, – засмузилась Мария и замолчала, увидев, как Майкл поставил пустую чашку на стол, – еще чаю?

– Не откажусь, – отозвался гость, забывший, что такое – чай.

– Сейчас, – поспешила Маша, понимая, что чайник пустой, Поднеся его носиком к крану, из которого капала вода, она доверху добрала, поставив греться на газовую плиту.

– У вас кран течет, я посмотрю, – заявил Майкл, берясь за осмотр кухонной сантехники. – Разводной ключ имеется?

– Какие-то инструменты были. Обождите, – выскочила Машка с кухни, вспоминая, где у нее лежал инструмент. Майкл, перебрав все, что принесла ему хозяйка по-деловому вернул обратно, – не одни подходят, – сообщил он. – Если вы не против, я сегодня подойду с нужными ключами и сделаю вам кран, чтобы не тек. Голос его был добрый, приятен к восприятию, а глаза жгучие, красивые дюже.

– Если не затруднит, спасибо. Да, и чайник ведь вскипел, выпейте на дорожку, – пригласила она, оттягивая минуту расставания, затуманившись приятной дымкой, исходившей от высокого красавчика.

Майкл присел к столу. В чашку полетели три кусочка сахара, издался звук стучащей ложки. Мария обозревала его, как подопытную мышь, подмечая каждую деталь в движении, в мимике: – вот он берет кружку, обхватывая чистыми пальцами и подносит к полным губам; отпивает и ставит обратно. Поигрывает ложечкой; чешет лоб; поправляет черные, отросшие волосы и замечая пристальные глаза хозяйки, приятно улыбается.

– Ладно, я пойду!? Вернусь попозже, чтобы сделать вам кран, – засобирался красавчик.

– Хорошо. Спасибо вам заранее.

– Нет, нет, – это вам спасибо, – раскланялся рослый человек в кожанке, уходя.

Маша закрыла за ним дверь и присела на кухонной табуретке перебирая свои толковые мысли: «Сколько же ему лет? Лет тридцать, на вид». «Культурный и веет о него особым мужским обаянием...» Наверное не придет больше...

В четыре дня в квартиру позвонили. Мария передернулась и открыла дверь. На пороге стоял Майкл, держа в руках рабочий портфель.

– Привет! Как обещал, – проговорил он смело, проходя сразу же на кухню.

А Маша даже не успела моргнуть, как Майкл повернулся к ней и сказал: – готово! – Теперь не капает, попробуйте! Мария покрутила буксу откручивая и закручивая до упора. Вода не капала.

– Мишка, ты куда свалил? Майкл, мы тебя ждали! – закричали с улицы мужские голоса.

Счастливый Майкл поморщился, как бы изображая, что не особо горит желанием составить своим друзьям компанию, но друзья не отстанут... – Вы..., извините, если можете, пойду..., – скромно ретировался он.

– Я могу вас вылечить от пьянства, если есть желание, – подала она ему разумную мысль, с закравшейся надеждой увидеться в другой раз.

– Все в порядке, извините ради бога, не хочу вам доставлять хлопоты, – распрощался Майкл, оставив оторопевшую Марию. А за окном и солнечный день помрачнел, склоняясь к заходу.

14

Для трехлетней Сони в детском саду выделили место, поторопив Марусю, как можно срочно оформить медицинскую карту ребенка. Вставая пораньше и поднимая Яну в школу, она собиралась сама, бросаясь в бег с младшей дочерью, чтобы вовремя успеть в поликлинику, пройти всех нужных врачей. Такая суета немного отвлекала ее от сердечной склонности к Жене, но ненадолго...

Как только по утрам она смогла оставаться одна, любовь охватывала всю ее душу, не поддаваясь никакому анализу, приведя в полное замешательство, не имея под собой абсолютно никакой логики. «Что ни думай, а любовь пришла к ней просто так, откуда-то сверху, словно спустились по небесной лестнице, без разрешения проникнув в открытую створку ее сердца...»

Она вспомнила, как однажды в продуктовом магазине Влад приревновал ее к импозантному молодому человеку, с небольшой бородкой, который излишне посмотрел на нее «как-то не так». Тогда она заверила мужа, что повода для волнений нет и ей отродясь не нравятся бородастые мужчины. Не нравились – да!!! До недавнего времени! – честно признавалась она, но божий промысел, богу виднее... «А у Жени она мужественная, безупречная, роскошная...» И то, что она чувствовала, простиралось не к отдельной бороде, а к нему в целом. Ей и неведанно было знать, что борода навеет буквально сильные, серьезные чувства к человеку, которого и толком не знает и с которым они никогда не будут вместе... Схватившись за листок бумаги, она живо переписала свое мысленное обращение к Жене, что пришло ей на ум, о котором он и сам нипочем не узнает...

...

«Нам «НИКОГДА» не быть с тобой! Любить божественной любовью,

*В одной постели просыпаться и долго, нежно целоваться.
Быть кем-то, частью, что-то значит, в судьбе у каждого из нас,
И будет ли один хоть шанс!?*
*Ты протяни свою мне руку, ты посмотри в мои глаза:
– Мне трудно пережить разлуку, не говори мне: – «НИКОГДА!»
Но, я скажу: – для счастья мало, так мало надо для двоих,
Иметь чудесное пространство, где есть и я, где есть и ты.
Да не тоскует мое сердце, нас параллели развели,
Мы в разные заходим двери. Не быть нам вместе – вопреки!
Да не смотри с укором строгим, мне и самой не по душе,
Люблю я даром обретенным, все мысли только о тебе!
Как знать, насколько постижимо, остыть душой под черным льдом?!
Давай разлюбим осторожно. Оставим все, все на потом!
Но, вру я! Ты не верь ни капли!
Из сердца вырвать кровь и плоть!
Мне проще было бы погибнуть, чем умертвить свою любовь!»*

...

Записав свою поэзию, она сложила тетрадный лист в несколько раз и спрятала в самое надежное место. Взглянув на механические часы, Маруся заторопилась за Соней в детский сад. Первую неделю она водила дочь на неполный день.

От тщательного взгляда Влада ничего не ускользало. Заезжая домой без предупреждения, «как бы на обед», он первым делом бросался смотреть, что делает его Маруся в избе, чем таким занимается...

– Ты перестала меня целовать! – заявлял он рьяно, жадно всматриваясь в Марусянкины глаза, – и с чем это связано?

– Ни с чем... – бесстрастно отвечала Маруся. – Ты ведь беспрерывно работаешь, а я по хозяйству. Подумываю вот тоже устроиться на работу.

– Где твой телефон? Давай сюда, мне его! – настаивал Влад, разведывая улики, страдающий время от времени возникающим приступом ревности.

– На комодке, в детской комнате.

– То-то я звоню тебе, а ты трубку не берешь!

– Не слышала...

Не поленившись сходить за телефоном, Влад опытно отрецензировал его; не найдя, что могло бы скомпрометировать жену, остыл.

– Я видел у тебя какую-то тетрадь, что ты в ней пишешь? – спросил он с колючим выражением, нервно подергиваясь.

– Что пишу, то мое.

– Где она лежит?

– Прекращай играть в детектива. Выкинула! – глумилась над мужем Маруся.

Подстегнутый ответом жены, надувшись горячей спесивостью, Владислав, словно как какой сыщик, сразу сообразил, где найти. Бегло пересмотрев Марусянкины записи, он осунулся телом и разочарованно произнес:

– Здесь же какие-то слова, обыкновенные слова... Не понимаю? Ты чего, дома занимаешься какой-то ерундой? – кинул он неудовлетворительно.

– Тебе ерунда, а мне нравится выписывать разные слова из орфографического словарика. Имею право заниматься всем, к чему лежит моя душа! – объяснилась Маруся, держась невозмутимо.

– Смотри, смотри... Я слежу за тобой! Женщинам нельзя доверять полностью, особенно тебе! А лучше побольше занимайся мною и детьми! – порекомендовал ей Влад, скверно пере-

кривившись в лице. – Работаю как проклятый в этом такси без продыху, а ты мне совсем перестала уделять внимания!

– Кстати о детях. У Сони болит зуб, отвези ее завтра в Липецкую зубную поликлинику, – попросила она мужа и подойдя к Владу, предусмотрительно забрала у него свою тетрадь. Где-то на последних страницах затаились стихотворные наброски, посвященный ее любви. Строчки так и лезли ей сами в голову. Душа пела и желала писать...

– Я подумаю над этим, – уклончиво ответил Владислав, собираясь закурить сигарету. – Ты снова забыла про свои супружеские обязанности. Если обрадуешь сегодня, то отвезу!

Маруся измерила его непроницаемым блеском своих глаз, речь идет о его дочери, а не о супружеском долге. «Супружеский долг!» Как его теперь исполнять, если душа принадлежит другому?

– Не надо курить в избе, иди на улицу! – импульсивно выдворяла мужа за дверь.

Ему позвонили:

– Еду, – ответил он и в заключении напомнил Марусе. – ты сегодня в любом случае спишь со мною! – и выйдя, защелкал на улице зажигалкой.

15

После обеда, в приподнятом настроении, к Марусе наведальась Марта в теплом кардигане, она принесла с собой вкус яблочного мусса и корицы, спросила заговорческим голосом:

– Ты чего не заходишь к нам, дорогу забыла? – Видела, как твой Влад только что отъехал. Не хочу с ним сталкиваться лишний раз...

«Маруся и сама не хотела с ним сталкиваться с недавних пор, но он ее муж...» – баламутила ее изо дня в день об этом засевавшая тоскливая мысль. Умолчал об этом, Маруся, натянув на свои малиновые губы улыбку, спросила:

– Как смотришь если завтра мы зайдем к тебе с Соней, вечером?

– Положительно. Буду рада вас видеть, испеку яблочный пирог на домашних яйцах, что несут мои несушки, – радости Марты, казалось, не было предела.

– Соне устроишь экскурсию в свой курятник? Она мечтает увидеть твоих курочек.

– Обязательно навестим их! – А какой яблочный урожай в этом году! – засмеялись глаза подруги.

– Да, яблочек много, но я мало собрала. Как-то не до них мне было... – вернулась она к скорбным воспоминаниям.

– Представляю, – вздохнула Марта, прокручивая похороны Паулины, и неунывающим голосом продолжила: – знаешь, чего хотела сказать, тут к Денису снова заходил его друг Женька, перед тем как уехать в Москву, доучиваться.

– Так он учится? – уточнила Маруся, стараясь, не выдавать своего минутного волнения.

– Последний курс. На режиссера. Рассказывал, что ему предстоит выпускная работа будущей весной.

– Что ж, ясно... – где-то у нее потянуло в ребрах, при упоминании «о нем».

– Со своей девушкой квартиру снимает, – вдалась Марта в несложные подробности, бесхитростно докладывая.

Растревоженная Маруся незаметно проглотила эту информация, замечая, как за окном резво играет ветер с невыразительными листьями. «Значит он не один... Да и она...» – Правильно, конечно, не одному же ему жить..., – обозначила она вслух, незаметно оттянув черную бровь.

– У тебя все хорошо? – спросила Марта.

– Нормально вроде...

– Ты какая-то скучная, апатичная.

– Не знаю, Мартушка. Нужно на работу устраиваться. С моим Владом, который сегодня работает, а завтра нет, приходится рассчитывать только на себя! – не унывала сильная Маруська.

– Где же найти работу? В город далеко ватно мотаться.

– Ничего, утром Влад подвезет меня, а вечером на маршрутке или пешком за час ворочусь.

– Я спрошу сегодня у Дениса про работу, у него много знакомых, сама знаешь..., отозвалась Марта, проявляя отзывчивость, перестав улыбаться.

– Отличная мысль, спроси, пожалуйста!

– Непременно Марусенька. Пойду я тогда домой, а то Денис сегодня смену сдает, пораньше обещал приехать, – загадочно кивнула она, собираясь на выход.

– Передавай ему привет и до завтра тогда!

– Передам! До завтра! – попрощалась Марта направляясь к себе через пожелтевшие насаждения.

Солнце засело над волнистыми крышами, скатываясь лучами к подножию земли, слабо обогревая поверхность. А Маруся, собрав свои волосы в хвост, уложив челочку, оделась и поторопилась за Соней, думая о Жени. «Все, что она просила у судьбы, – увидеть его!» Алмаз, наострив черный нос, проводил свою любимую хозяйку за калитку, слабо веля хвостом, оставаясь за главного.

16

Никого не спрашивая, в их края пожаловала хвалебная осень. По ночам земля промерзала, а днем разогревалось солнышко, и так хорошело на улице, что работать не хотелось...

Через каждые два дня, владелец цветочного магазина, где работала Маша, привозил свежие цветы и давал текущие поручения. Слава богу позади, предпраздничный день – «первое сентября», когда у ее магазина стояла очередь за букетами «от дорогих» до «по карману». Скупалось все: гладиолусы, розы, лилии, тюльпаны, хризантемы, гвоздики, герберы и т.д. Еле управились тогда, сделав недельную выручку. А завтра у Маши должен быть выходной, который она уже распланировала, но владелец сообщил ей срочную новость: – заболела ее сменщица, Елена.

– Машенька, ты должна поработать за нее. Других вариантов нет. Накину тебе за это денег! – мотивировал ее работодатель, толстенький, среднего роста мужчина, с умоляющим выражением лица.

– Юрий Степанович, я не могу. Если бы заранее мне об этом сказала сама Лена, я бы не отказалась! А так не могу! – давила она на принцип.

– Маша, ну пойми, нельзя заранее предугадать болезнь! Я же сам слышал, как она мне кашляла в трубку! Она и тебя, и меня заразит! Пожалуйста, Машенька! – уговаривал ее цветочный хозяин, с мольбой в голосе.

– Хорошо, выйду..., – смягчилась Мария, спасая ситуацию, беря на себе излишнюю нагрузку. «Отработать два дня за сменщицу, а после свои два дня...» – Юрий Степанович, но, если в субботу не выйдет Лена, я тоже не выйду! Мне наплевать будет! – зароптала Маша, забегая вперед.

– В субботу она железно пообещала вернуться в строй, обязательно! Спасибо Машенька! С меня причитается, – пообещал владелец магазина, человек чести и слова, и уехал восвояси, оставив Машу работать.

Так пролетели дни, до самой пятницы. Проснувшись утром и быстро собравшись на работу, она открыла входную дверь собираясь покинуть квартиру, как на пороге предстал обескураженный Майкл со впалыми щеками, напугав ее. Трясушейся рукой он подал ей пустую бутылку из пластика.

– Маша, налейте мне воды! – колотило его, прилично.

– Зайдите, – пригласила она его в квартиру, за водоворотом бутылок. Вернув обратно полную бутылку, она разила его взглядом.

Майкл плаксиво произнес: – не могу больше пить! Не лезет, но совладать не могу с собой! Помогите мне, прошу очень!

– Прямо сейчас?! – уточнила накрашенная Машка, спешащая на работу.

– Если можно... Я решился! – сдался на милость разбитый Майкл, чувствуя себя совсем уж худо.

– Проходите в таком случае на кухню, – позволила она.

Майкл присел на табурет, готовый к любому колдовству над собой. Мария, нашептав заветные слова, поставила перед ним стакан с водой, приказывая:

– Пейте!

– Пить!? – засомневался он, шаря затуманенными глазами по полному стакану.

– Да, должны это выпить!

Поднеся снадобье к своим налившимся кровью губам, Майкл изучающе принюхался, и ничего не уловив, осушил залпом, после чего он, переменчиво взглянув на Машу, произнес разочарованно:

– Это же обычная вода, разве поможет?!

– Гарантирую! С этого дня вы трезвенник! И если хоть каплю выпьете, то умрете! – припугнула его в конечном счете, привлекательная знахарка.

– Вы серьезно?

– Более чем! – волновала она его, через пьяный угар.

– Значит пора возвращаться домой, – согласился Майкл смиренно, заправляя свои волосы назад.

– Вы извините, я на работу опаздываю... – спешила знахарка, думая о том, чтобы успеть.

– Конечно, спасибо. Извините меня, я пошел, – откланялся пропойца, ни о чем не думая и не подозревая.

– Главное не пить с этого дня!

– Да! – пообещал Майкл завязать, не взявший к толку.

Весь день Маша переживала за нового знакомого. Если сорвется и выпит, то будет ему достаточно плохо. Заговор на воду ей передала мама и наказала никому не говорить, передавая лишь по прямой женской линии. Как оборвется связь, так и канут эти знания в никуда...

Отработав весь день на заведенных нервишках, к вечеру на душе у Марии подурнело, от разыгравшегося недоброго предчувствия. После смены, она обошла вокруг четырехэтажный панель, в поисках Майкла. Осенняя густая сырость проморозила ей нос и уши. «Может он и всерьез уехал домой?» – подумала она, глядя на втоптаные в грязь листья, смешавшиеся с неизбежной темнотой, из которой выскочила черная кошка, перебежав ей дорогу под фонарным столбом, добавляя шепотку мятежности. Усталость незамедлительно дала о себе знать. Уже вернувшись в квартиру, она, помывшись и выпив чаю, сразу же притомившись уснула.

Утром разбудил ее звонок в дверь. «Будильник, будильник – отстань, прекрати трезвонить», мямлила она сквозь сон, но открыв глаза, в голове прояснилось, что звонят в дверь. «Кому надо в такую спозаранку?» Накинув халат, поверх сорочки, она подошла к двери:

– Кто там?

– Это я, Майкл!

Отворив ему, Майкла трясло в ознобе, лицо желто-зеленое, губы синюшные.

– Заходите быстрее! – запустила она неверующую Фаму. – Давайте, сюда вот ложитесь, – пожертвовала ему свою теплую кровать. Надо бы снять куртку, – озаботилась Мария, забыв о себе.

У обессиленного Майкла не получалось стащить с себя косуху, рукава залипли в плечах, застревая посередине. Крепко дернув за манжеты, Маша освободила его от верхней одежды.

Уложив молодого человека в судорожном состоянии на кровать, она накрыла его теплым одеялом, а сверху овечьим пледом.

– Я умру? – тихо спросил Майкл засохшими губами и глаза его ввалились в черные круги.

– Нет! Я вам не дам этого сделать, – утешила она своего больного, направляясь на кухню заварить ему полезный травяной чай, который снимал любые недомогания.

«Она так и знала, Майкл не был готов к трезвой жизни!» А сколько таких к ней обращалось. Приводили жены, матери. «– Помоги Маша, спаси моего сыночка!» – «Сам то хочешь?» «– Хочу, – да видела она как глаза лукавят». Из-за этого она перестала браться лечить их и никому не открывала дверь, а чтобы в окна не лезли, решетки поставила. Нежная Маша, с твердым характером, ограничила к себе доступ, берясь помочь лишь тем единицам, кто осознал, что порушили свою жизнь, а справиться уж сами не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.